

К.Ф. Лиджеева

**Политика Советского государства
в сфере народного образования
и ее реализация на юге России в 20-е гг. XX в.
(на материалах национальных районов Северного Кавказа)**

K.F. Lidzheeva

**Politics of the Soviet State in the National Education
and Its Implementation in Southern Russia
in the 20s of the XX Century
(on Materials of Northern Caucasian National Regions)**

Заметная активность государственных и общественных структур в выработке новых подходов в сфере образования побуждает обратиться к историческому опыту реформирования образования. Проанализирована образовательная политика в первые десятилетия Советского государства и ее реализация на Юге России на примере национальных районов Северного Кавказа.

Key words: государственная политика, Северный Кавказ, просвещение, неграмотность.

Советская власть на Юге России была установлена к весне 1920 г., после окончания Гражданской войны, которая помешала проведению в жизнь планов большевиков. Для решения вопросов образовательной политики при Народном комиссариате просвещения (НКП) РСФСР, при отделе просвещения нацменьшинств был создан подотдел горцев Кавказа, решениями вопросов просвещения в национальных округах занимался подотдел национальных меньшинств Терского областного отдела народного образования, а на местах были созданы волостные и станичные отделы народного образования [1, с. 114].

В основу организации системы образования был положен декрет Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В соответствии с этим декретом был издан ряд приказов о передаче учебных заведений, библиотек, клубов, находящихся в ведении религиозных обществ, местным отделам народного образования, т.е. все учреждения культуры объявлялись достоянием народа.

Духовенство отстранялось от участия в обучении детей, в школах отменялось преподавание религиозных вероучений. Учебные заведения преобразовыва-

A noticeable activity of state and public structures in the development of new approaches to education leads to apply to the historical experience of education reform. The aim of this paper is to review education policy in the first decades of the Soviet state and its implementation in the South of Russia as an example of national regions of the Northern Caucasus.

Key words: public policy, Northern Caucasus, education, illiteracy.

лись в советские школы общего типа, «за исключением школ в горско-мусульманских центрах, ибо в этих школах обучение грамоте арабской ведется по Корану и через религиозные вероучения, каковое положение будет существовать только временно» [2, с. 67]. СНК, учитывая религиозный фанатизм части населения некоторых областей Кавказа, отсутствие национальной письменности и педагогических кадров, отсрочку ликвидации духовных школ некоторых национальностей временно предоставлял на усмотрение областных отделов народного образования.

Одной из основных задач культурных преобразований в стране являлась ликвидация массовой неграмотности. В просвещении населения Россия серьезно отставала от цивилизованных стран, до революции свыше 70% ее населения было неграмотным, не считая детей до 9-летнего возраста, в сельской же местности неграмотные составляли 80,4%, а среди женщин их насчитывалось 93% [1, с. 211]. Грамотных среди нерусских народов Северного Кавказа был совсем ничтожный процент.

В начале 1920-х гг. существовали серьезные препятствия на пути ко всеобщей грамотности. Женское население местами практически было безграмотно,

больше половины мужского населения фамилии написать не умели, отсутствовали буквари, бумага, карандаши, перья и другое, поэтому быстро ликвидировать неграмотность в регионе было утопической идеей.

Грамотных на каждые 1000 человек на Северном Кавказе, куда входила и Донская область, приходилось 281 человек [3, с. 171]. В докладе на II съезде ВЦИК народный комиссар просвещения А.В. Луначарский указывал, что «самыми жалкими по народному просвещению в стране являются Дагестанская республика и Чечня, причем Чечня стоит на уровне народного образования ниже самоедов», немногим лучше обстояло дело в Кабарде, но и здесь грамотность не превышала 2,5–3% населения [4, с. 103].

Народное образование среди горцев в первые годы советской власти осложнялось рядом местных специфических особенностей. Наряду с общими, присущими всей стране причинами слабого развития народного просвещения – недостаток научно-педагогических кадров, отсутствие необходимой материальной базы, – в национальных районах Северного Кавказа оно встречало такие дополнительные препятствия в своем развитии, как полное отсутствие письменности почти у всех горских народов, за исключением осетин, письменность которых строилась на основе русской графики, чрезвычайная пестрота этнографического состава населения, многообразие религий и вероисповеданий, наречий и обрядов, а также других бытовых особенностей, и, наконец, влияние арабской культуры (арабская школа имела в каждом горском ауле с мусульманской верой). Все это препятствовало быстрому принятию унифицированной учебной системы.

Перепись 1920 г. определила средний показатель грамотного населения в Горской республике (без Карачая) в 14,2%, в Кабарде и Балкарии – 5,6%, в Ингушетии – 3%, в Чечне – 0,84%, в городах грамотность была выше, чем в округах, так, во Владикавказе насчитывалось 52,6% грамотных, в Грозном – 44,1%, в Нальчике – 34% [5, л. 33].

Для скорейшей ликвидации неграмотности совместным решением была создана Горская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности (ЧКЛб). В ноябре 1921 г. на пленуме областного комитета партии был заслушан доклад наркома просвещения республики К.Б. Томашевского о работе НКП и было предложено «с особой осторожностью относиться к вопросу изживания горскими массами исторически религиозного извращения в области просвещения (арабской школы), применяя не методы насилия и административного давления сверху, а правильную постановку советской политической школы» [6, л. 67].

Материально-техническая база в сфере образования на Северном Кавказе, как и по всей стране, была чрезвычайно скудной. За девять месяцев 1921 г. (апрель-декабрь) все расходы НКП республики на душу населения составляли 1/17 часть расходов на

народное образование дореволюционного времени, но несмотря на это, в 1921 г. число учащихся увеличилось по сравнению с дореволюционным временем в 2 раза и составило 100 тыс. чел., количество учебных заведений (всех категорий) – с 525 до 710 [7, с. 114].

Эти изменения без соответствующей материальной обеспеченности привели к большим трудностям. В июле 1921 г. НКП ГАССР сообщал в горпредставительство в Москве, что «по разверстке дензнаков ежемесячно причитается на Наркомпрос для всей республики 40 млн рублей, между тем как на одно жалование сотрудникам, учителям и артистам нужно ежемесячно 308 млн рублей. Ясно, что вся деятельность Наркомпроса и его органов замерла, сотрудники, учителя и артисты разбегаются; и он не имеет возможности их удержать, ибо не платит им с марта жалования и не может платить им сейчас» [6, л. 68].

Поясняя причины все еще сохраняющихся трудностей, К.Б. Томашевский отмечал, что «...гражданская война нанесла особенно ощутимый ущерб школьному делу на Северном Кавказе, здания были разрушены и строились заново, квалифицированные работники в сфере просвещения полностью отсутствовали» [7, с. 258]. В качестве самой важной причины сложившейся ситуации нарком просвещения назвал бедность автономных образований. «В центре России, – констатировал он, – смета на нужды просвещения равняется 30%. Есть губернии, где этот процент доходит до 45. В Горской республике на эти нужды расходуется 18%, в Чечне – около 7% местного бюджета» [7, с. 259].

В начале 1923 г. во всех национальных районах Северного Кавказа были проведены агиткампании по борьбе с неграмотностью и произведен учет безграмотных. Проведенные мероприятия привели к тому, что уже к декабрю 1923 г. работало 9 школ грамоты с общим количеством учащихся в 298 человек, из них 3 находились в округах, а 6 – во Владикавказе [7, с. 263]. Было налажено снабжение школ грамоты учебниками и букварями. Население приветствовало открытие таких школ и порой брало на себя их содержание. К апрелю 1924 г. во Владикавказе насчитывалось 18 учреждений Чрезвычайной комиссии с 500 учащимися, а в округах республики – 24 школы грамоты [7, с. 264]. Обучение проводилось в школах грамоты на родном и на русском языках – в зависимости от желания учеников.

В соответствии с планом предстояла большая работа: на одну тысячу населения в возрасте от 18 до 35 лет в Назрановском округе приходилось 930 неграмотных, в Осетинском – 720, в Сунженском – 520, во Владикавказе – 200 [6, л. 69]. Общий уровень культуры населения Горской республики существенно отражался на работе местной власти. Незнание русского языка, ставшего средством межнационального общения в условиях объединенной территории, осложняло выбор работников республиканского масштаба из коренных

народов, препятствовало усвоению местными кадрами основных принципов советского государства.

В декабре 1923 г. состоялась первая Северо-Кавказская конференция по ликвидации неграмотности, где были подведены итоги работы и отмечено, что она идет успешно и очевидны ее результаты: просвещение широких масс населения повышало их политическую и трудовую активность, способствовало упрочению советской власти в крае. Однако несмотря на эти частичные успехи, о которых было громко заявлено, общее состояние народного образования в Горской АССР представляло собой далеко не идеальную картину.

Поэтому, оценивая итоги 20-х гг. XX в. в создании форм духовной реорганизации традиционных горских обществ, нужно отметить массивное их внедрение в горскую повседневность. Основ-

ной задачей было формирование нового человека с новым мировоззрением. Как бы ни отличались друг от друга различные статистические данные, численность учреждений культуры, конечно, превосходила ту, которая была до революции. Рост числа школ, пунктов ликбеза и прочего воспринимался как база создания нового человека с помощью новой письменности, новой системы образования. Если говорить об идеологии тех лет, то можно констатировать большое количество агитационно-пропагандистской продукции при низком ее уровне. Поэтому о новом качестве культуры, в том числе и образования, речи вести не приходится. В лучшем случае следует отметить создание организационных предпосылок. Саму же новую культуру как базу модернизации общества, как мировоззренческую основу нового человека еще предстояло создать.

Библиографический список

1. Днепров Э.Д. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (конец XIX – начало XX вв.). – М., 1993.
2. Ревкомы Терской области в борьбе за восстановление и упрочение Советской власти (октябрь 1919 – август 1920 гг.) : сборник документов и материалов. – Сухуми, 1971.
3. История Дона и Северного Кавказа (1917–2000) : учебное пособие. – Ростов-на-Дону ; Нальчик, 2004.
4. Адухов М.Д. От цивилизации к цивилизации: цивилизационные особенности становления светского образования в Дагестане XIX–XX вв. – Махачкала, 2004.
5. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 2306. – Оп. 16. – Д. 9.
6. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 21. – Д. 3274.
7. Мамсиров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. – Нальчик, 2004.